

УДК 94(4)

ЧЕХОСЛОВАКИЯ, XX ВЕК: ПЕРВЫЙ ОПЫТ НЕЗАВИСИМОСТИ

В. Ю. Куренков

Российский государственный гуманитарный университет

Тема Второй мировой войны весьма популярна. Не меньший интерес вызывают события, ей предшествующие. В 1930-е гг. мир стремительно менялся. В Европе, напуганной коммунизмом, один за другим государства выбирали третий путь – ни коммунизм и ни демократию, неспособную, по мнению многих, дать достойный отпор красной угрозе. Диктатура казалась спасительным аргументом. Чехословакия была единственным государством Центральной Европы, которое не встало на третий путь, предпочтя оккупацию и временную потерю независимости. Об этом островке демократии в Центральной Европе 1930-х гг. вспоминают нечасто.

The subject of World War II is quite popular. Not smaller interest is caused by the preceded events. In the 1930-s the world was fast changing. In Europe, frightened of communism, one by one the states chose the third way – neither communism nor democracy, incapable, according to many, to resist the Red threat. Dictatorship seemed to be a saving argument. Czechoslovakia was the unique state of Central Europe which didn't follow the third way, having preferred occupation and temporary loss of independence. This island of democracy in Central Europe of the 1930-s is remembered infrequently.

Ключевые слова: Чехословацкая республика; независимость; диктатура; Ф. Рашин; Т. Масарик; Э. Бенеш.

Keywords: the Czechoslovak republic; independence; dictatorship; A. Rašin; T. Masaryk; E. Beneš.

В 1920–30-е гг. в странах Европы один за другим к власти приходят авторитарные режимы. К примеру, в Венгрии с 1920 г. неограниченную власть получил адмирал М. Хорти. В Польше в 1926–1935 гг. правил маршал Ю. Пилсудский, по Конституции 1935 г. власть президента Польской республики стала неограниченной. Португалией с 1932 г. руководил диктатор А. Салазара, в Италии с 1926 г. ставил эксперимент по созданию нового «корпоративного фашистского общества» Б. Муссолини...

Этот список далеко не полон. В условиях нестабильной и недолгой передышки между двумя мировыми войнами «молодые» демократии Центральной и Юго-Восточной Европы, установившиеся в результате правовых актов Версальско-Вашингтонской системы, в подавляющем большинстве случаев не выдерживали свалившихся на них тягот. Существенно усугубила трудности Великая депрессия 1929 г., ввергшая Европу и США в тяжелый финансовый кризис. В свете всего этого население полунищих государств разочаровывалось в демократии и видело спасение в режиме авторитарном. Таким образом, выбор в пользу «твердой руки» почти везде был сознательным [1].

Классический пример такого сознательного выбора – Германия, где в 1933 г. к власти пришли национал-социалисты (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) – Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) и установилась одна из самых жестких диктатур Европы, приведшая вскоре к многомиллионным жертвам в последовавшей Второй мировой войне. Несмотря на то, что на выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 г. НСДАП получает несколько меньше процентов голосов, чем на предыдущих летом того же года (33.1% вместо 37.4%), тем не менее, это по-прежнему крупнейшая партия в немецком парламенте. В стране продолжают политическая нестабильность (рейхстаг переизбирается четыре раза за один только 1932 год!), экономический кризис. И на фоне этого президент Пауль фон Гинденбург, герой Первой мировой войны, назначает рейхсканцлером республики лидера национал-социалистов Адольфа Гитлера. Один из крупнейших исследователей Германии нацистского периода Л. Черная пишет по этому поводу: «Люди стали бояться выстрелов на улице, драк в залах, где проходили собрания (различных политических партий. – В.К.), таинственных исчезновений и убийств, демонстраций, которые разгоняла полиция и которые с разрешения бюрократов сразу же возникали снова. Кое-кто из обывателей захотел «сильной власти». Путая причину со следствием, эти «кое-кто» решили, что национал-социалисты – наименьшее зло и что «сильный человек» Гитлер наведет в стране порядок» [2].

Так было в Германии, так было и в других странах, не выдержавших испытаний послевоенного периода. Хрупкая система коллективной безопасности, которую начали создавать

державы-победительницы (Великобритания, Франция, США) сразу после окончания Первой мировой войны, наглядно показала свою несостоятельность.

Чехословацкая республика на этом фоне была исключением. К середине 1930-х гг. она была единственным государством Восточной Европы, не ставшим авторитарным. В чехословацких газетах того времени неоднократно упоминалось, что «демократические ценности превыше всего» [3]. Если посмотреть на историю государств Восточной Европы в двадцатом столетии (условно говоря, будущие страны Организации Варшавского Договора), все они на определенном этапе проходили этап авторитаризма (не считая советский период 1945–1989 гг.). Выше было упомянуто, что ни Польша, ни Венгрия в 1930-е гг. демократическими государствами не являлись. Не были тогда таковыми и Румыния, Югославия, Болгария. Все прошли этап диктатуры, кроме Чехословакии. Первый президент Чехословацкой республики (1918–1935) Томаш Масарик сказал в одном из своих последних интервью: «В ту эпоху, когда капитализм, выросший на идеях свободы, равенства и братства, стал повсеместно терять свое человеческое лицо, Чехословакия пытается его все же сохранить» [4].

Изначально, с момента обретения независимости в 1918 г., ситуация в Чехословацкой республике стала развиваться несколько по иному сценарию, чем в соседних странах. В отличие от разоренных войной Польши и Венгрии, подорванных запредельной инфляцией Германии и Австрии, отсталых в экономическом отношении аграрных Румынии и Югославии, Чехословакия к тому моменту была страной с высокоразвитой промышленностью и рыночным менталитетом у населения. К тому же на территории Чехословакии не велись боевые действия во время Первой мировой войны, по сравнению с остальной территорией распавшейся Австро-Венгерской империи эта земля пострадала в меньшей степени [5]. Таким образом, естественные преимущества перед соседями у этого государства были налицо.

Как было устроено это молодое государство?

Согласно Конституции 1921 г., Чехословакия являлась президентской республикой. Президент избирался на семь лет Национальным Собранием, состоявшим из двух палат. Нижняя – Палата Депутатов состояла из 300 членов, избираемых по партийным спискам всенародным голосованием на шесть лет. Верхняя палата – Сенат, состоявший из 150 членов, избираемых по территориальным округам также всенародным голосованием, но на восемь лет. Избирательным правом обладали все дееспособные граждане, достигшие 21 года. Участвовать в выборах в Национальное Собрание, выдвигать свои кандидатуры граждане Чехословацкой Республики могли с 26 лет. Все члены правительства назначались Президентом республики. В конституции особо подчеркивалось, что «вся власть исходит от народа» (ст. 3) [6].

Экономической политикой молодой республики в первые годы занялся министр финансов Алоис Рашин (1867–1923). Многими годами позже меры по становлению экономики, принятые им, будут в целом оценены положительно, но тогда общественное мнение было скорее противоположным. Рашин происходил из семьи пекаря, по образованию был юристом. С юности он принимал активное участие в студенческих радикальных организациях, провозглашавших своей целью независимость от Австро-Венгрии и создание самостоятельного чешского государства. Полуофициально такие организации назывались «младочехами» [7]. А. Рашин неоднократно подвергался арестам, был осужден на два года каторги. В 1916 г. за принадлежность к революционной организации «Мaфiе» был приговорен к смертной казни, но вскоре помилован и амнистирован по случаю смерти императора Франца-Иосифа. После революции 1918 г. и распада Австро-Венгрии А. Рашин становится близким сподвижником Т. Масарика, первого президента независимой Чехословацкой республики, а вскоре получает пост министра финансов.

А. Рашин поставил своей главной целью создание надежной национальной валюты, независимой от австрийской кроны. Проводилась эта политика крайне непопулярными мерами. Ради поддержания твердого курса «новорожденной» чехословацкой кроны Рашин искусственно сдерживал инфляцию путем временного сокращения экспорта, увеличения налогов, причем, больше половины этих увеличений пришлось на налоги косвенные [8]. Правительство не остановилось даже перед таким непопулярным нововведением, как принудительные займы для населения, то есть у граждан из зарплаты вычитались проценты на государственные ценные бумаги.

В результате подобных мероприятий чешская крона очень быстро вошла в число самых надежных европейских валют. Но среди населения такие меры не могли вызвать популярность. Первые четыре года существования Чехословацкой республики характеризовались снижением уровня благосостояния населения, сильным падением экспорта, массовой безработицей. Уже к 1920 г. в стране насчитывалось до 160 тыс. безработных (при населении 13.5 млн чел.) [9]. На министра обрушился шквал критики со стороны различных политических движений. А. Рашин стойко отвечал на обвинения и от выбранного им курса не отказывался. Ввиду угроз, поступающих в адрес министра, по распоряжению президента у его дома

был выставлен полицейский пост, но Рашин распорядился немедленно его убрать. Он как будто предчувствовал драматическую развязку.

Утром 5 января 1923 г. Алоис Рашин был смертельно ранен на выходе из своего дома анархистом Йозефом Шоупалом. Министр скончался через полтора месяца. Президент Т. Масарик в послании правительству заявил: «Пусть великая жертва подвигнет всех нас к осуществлению нашего национального идеала, который есть республика и демократия, заложенная на любви и уважении к каждому человеку. Насилие, учиненное над доктором Рашином, является нечеловеческим, нечешским» [10].

По иронии судьбы, потрясения, вызванные реформами Рашина, именно после его гибели начали уступать место экономическому росту и началу выхода из кризиса. В Чехословацкой республике он оказался не столь продолжительным и, уж тем более, не столь тяжелым, как во многих соседних государствах. Были ли этому объективные причины или все произошло благодаря таланту министра финансов в частности и правительства в целом?

Безусловно, объективные причины имели место.

Во-первых, пражское правительство не было обременено никакими репарациями, и это, в отличие от немецкой, австрийской и венгерской ситуации, сделало положение в Чехословакии сравнительно стабильным. В Праге и Братиславе не было того ажиотажа, того панического сброса национальной валюты, который провоцировал кризисы в крупных городах соседних государств.

Во-вторых, как уже было упомянуто выше, Чехословакия в отличие от Польши и Югославии обладала высокоразвитой экономикой, которую удалось быстро поставить на ноги. Эта экономика в значительной степени базировалась на богатых природных ресурсах, имеющих повышенную ценность в эпоху нестабильности. Данный момент тоже увеличивал степень доверия к национальной валюте и правительству.

В-третьих, социальная стабильность в Чехословакии была на порядок выше, нежели в Германии, Австрии и Венгрии, где фактически произошли революции, приведшие к власти правительства либо вообще безответственные, либо объективно вынужденные идти на поводу у толпы. Да и по сравнению с Польшей, в которой социальные катаклизмы то затихали, то снова активизировались, Чехословакия оказалась образцом организации классового мира.

В-четвертых, даже межнациональные отношения в Чехословакии, несмотря на серьезные трудности первых лет, никогда не складывались столь остро, как, например, в Югославии, где отдельные народы практически не переставали растаскивать страну на куски с самого начала независимого существования.

1921 г. был еще периодом сохранения нестабильности, когда начавшаяся было дефляция вдруг снова уступила место инфляции. Это оказалось связано с отменой существовавших в начале мер административного регулирования цен на продовольствие. Либерализация цен и полное восстановление свободы внутренней торговли обернулись инфляционным скачком, который, правда, благодаря жесткой финансовой политике вскоре сошел на нет.

Уже с 1922 г. цены стали резко снижаться. Благоприятным оказалось также изменение курса кроны, которая с середины 1921 г. постепенно отвоевывала свои позиции даже у доллара, не говоря уж о валютах соседних государств, все еще испытывавших последствия кризиса. К концу 1922 г. валютный курс достиг уровня, на котором и удерживался в течение последующих лет.

Укрепление кроны, в свою очередь, оказало воздействие на стабилизацию внутренних цен в Чехословакии. Любопытно, что вплоть до середины 1921 г. ни меры по оздоровлению государственного бюджета, ни формирование положительного торгового баланса не могли обеспечить стабильности кроны. По всей вероятности, это было связано с тем, что мировой финансовый рынок рассматривал крону в качестве элемента скорее германской экономики, нежели чехословацкой. Полагали, будто крона, в первую очередь, зависит от состояния дел в Германии, и если оно окажется плохим, то чехословацкая валюта обесценится наряду с немецкой маркой.

Только с конца 1921 г., когда немецкая марка стала совсем плоха (равно как и австрийская крона), а чехословацкая экономика, напротив, демонстрировала все признаки стабильности, крону начали рассматривать как валюту, имеющую некую самостоятельную ценность. Наверное, именно этот момент может считаться символическим в образовании прочной и стабильной чехословацкой экономики, не зависящей от экономики ни Австрии, ни Германии.

Часто приходится сталкиваться с утверждением, что в Чехословакии 1920–1930-х гг. был обострен национальный вопрос, что права национальных меньшинств не соблюдались либо ущемлялись. Собственно на этом сыграл А. Гитлер в 1938 г., обвинив чехословацкое руководство в преследовании судетских немцев. К примеру, 21 мая 1938 г. в беседе с посланником Чехословацкой Республики В. Мастным министр иностранных дел Германии И. Риббентроп

заявил, что «с растущим беспокойством следит за все новыми притеснениями судетских немцев, запретами их собраний и случаями насилий, о которых он как раз сегодня получил новое сообщение» [11]. Подобные утверждения усиливались по мере того, как Германия ужесточала свои требования относительно Судетской области – района компактного проживания судетских немцев [12]. Как известно, закончились эти требования отторжением Судетской области от Чехословакии в пользу Германии во время Мюнхенского соглашения 30 сентября 1938 г. Позднее это привело к ликвидации чехословацкой государственности в марте 1939 г. Были ли предпосылки для подобных обвинений, существовал ли в Чехословакии национальный вопрос?

Вот как разъяснялся принцип национальной опоры этого государства, сосуществования чехов и словаков в одной из первых хрестоматий молодой республики, изданной в 1924 г.: «Словаки пришли на свою теперь родину, вероятно, одновременно с родственными племенами (в конце 4-го – начале 5-го столетий), с которыми они вместе населяли Чехию и Моравию и входили в единую этническую группу. Оба племени – одинакового происхождения, являются членами одной и той же ветви и с точки зрения как этнической, так и лингвистической образуют один народ. Основные черты истории схожи – там борьба с германцами, здесь с мадьярами» [13]. Таким образом, с одной стороны, нет категорического утверждения, что чехи и словаки – один народ, с другой – всячески подчеркивается их близкое родство. Нечто схожее можно наблюдать в российской дореволюционной трактовке русского народа, который образуют субэтноты – великороссы, малороссы и белорусы.

Что же касается представительства национальных меньшинств в органах власти, то здесь вряд ли приходится говорить о каком-либо серьезном ущемлении. К примеру, после выборов 1920 г. в Национальном Собрании были представлены:

- 1) Словацкая национальная партия – 11 мест;
- 2) Немецкая социал-демократическая партия – 30 мест;
- 3) Немецкий Союз Крестьян – 13 мест;
- 4) Немецкая партия христианских социалистов – 9 мест;
- 5) Немецкая демократическая партия свободы – 2 места;
- 6) Немецкая национальная партия – 10 мест;
- 7) Немецкая национал-социалистическая партия – 5 мест;
- 8) Клуб беспартийных немецких депутатов (1 националист, 1 средний промышленник, как они сами себя охарактеризовали) – 2 места;
- 9) Социал-демократическая немецко-мадьярская партия – 3 места;
- 10) Христианские социалисты, мадьяры и немцы – 4 места;
- 11) Партия мелких мадьярских землевладельцев – 2 места;
- 12) Самостоятельная мадьярская партия вне клуба – 4 места [14].

Думается, что на фоне такого представительства в парламенте страны партий, сформированных по национальному признаку, говорить о притеснениях в том виде, в котором, к сожалению, таковые хорошо известны по опыту многих диктатур XX в. и не только, по меньшей мере некорректно. В любом случае, не следует забывать, что речь идет о 20–30-х гг. XX в., когда в целом ряде государств Европы и в США были узаконены преследования людей по национальному или расовому признаку. Чехословацкая республика действительно выглядела на этом фоне демократической.

Внешняя политика Первой республики была однозначной: она ориентировалась на Францию и Великобританию, сыгравших когда-то решающую роль в обретении Чехословакией независимости. Но упование на помощь западных союзников было, как показали дальнейшие события, чрезмерно сильным. Эдвард Бенеш, который до 1935 г. бессменно возглавлял чехословацкую дипломатию, а затем стал президентом, просто не рассчитывал на то, что Франция не выполнит своих договорных обязательств – выступить на стороне Чехословакии, если последняя подвергнется агрессии. Договор о взаимопомощи с СССР, заключенный республикой в 1935 г., содержал важное условие: он вступал в силу лишь в случае, если Франция, в свою очередь, поддержит Чехословакию. Другой союз, членом которого была республика, именовался «Малой Антантой». Он включал в себя, помимо Чехословакии, Югославию и Румынию, но был направлен, прежде всего, против Венгрии, так что на случай немецкой агрессии был безрезультатен. Наконец, дружеские отношения Чехословакии с Польшей, которые могли бы позволить создать довольно эффективный антигерманский блок, так и не были налажены после 1919 г., когда обе страны вступили в конфликт из-за Тешинского района в Силезии, который был занят чехословацкими войсками. Польское правительство, ссылаясь на компактное проживание в этом районе своих соотечественников, не признавало этой оккупации. На следующий же день после подписания Мюнхенского соглашения, 1 октября 1938 г. польские войска заняли Тешинский район [15].

В результате Чехословацкая республика, обладавшая довольно неплохой и многочисленной армией (1.2 млн чел.), которая, тем не менее, в одиночку вряд ли могла бы справиться с вермахтом, оказалась жертвой неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств и неразрешенных межнациональных проблем внутри страны. В конце сентября 1938 г. президент Бенеш предпочел подчинение мюнхенскому диктату великих держав заведомо проигранной (хоть, возможно, и с почетом) войне с Германией. Через несколько дней после этого он подал в отставку и уехал в эмиграцию. Период так называемой Второй республики, территориально урезанной Мюнхенским соглашением, был смутным и непродолжительным: 15 марта 1939 г. нацистская Германия оккупировала чешские земли, предоставив Словакии формальную независимость, де-факто обернувшуюся властью правого марионеточного режима. Чехословакия была восстановлена лишь спустя 6 лет, после разгрома нацистского Третьего рейха, но это было уже другое государство, вскоре оказавшееся под властью коммунистов.

Память о Первой республике жила и в годы оккупации, и в «неясные» три года после окончания Второй мировой войны (1945–1948), и в годы пребывания Чехословакии под крылом Советского Союза. Портреты Масарика имелись во многих домах [16]. Конституция 1920 г. легла в основу конституции 1992 г.; в сущности, это ее модернизированный вариант.

Пример альтернативы авторитаризму, относительно удачный в области внутренней политики и неудачный в области внешней, крайне интересен. Хотя следует признать, что неудача в противостоянии Третьему Рейху крылась не столько в самой Чехословакии, сколько в общеевропейской обстановке. Опыт же уникального демократического государства в авторитарной Европе тех лет представляет безусловную ценность и повод для дальнейшего глубокого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Госсвайлер К.* Финансовый капитал, промышленные монополии, государство (1919–1932). М., 1978. С. 124.
2. *Черная Л.* Коричневые диктаторы (Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Риббентроп). Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. С. 63.
3. *Далем Ф.* Накануне второй мировой войны. 1938 г. – август 1939 г.: Воспоминания. М.: Изд-во полит. литер., 1982. С. 123.
4. *Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация: в 2 кн. Кн. 1. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2004. С. 424.
5. Там же. С. 426.
6. Чехословацкая республика. Обзор духовной, политической, экономической и общественной жизни / под ред. *О. Буттера* и *В. Доразила*: Прага: Изд-во «Орбис Акционер», 1924. С. 23–24.
7. Радио Прага. URL: <http://www.emigranty.ru/news.php?nid=45524> (дата обращения: 24.12.2011).
8. Там же.
9. Чехословацкая республика. Обзор духовной, политической, экономической и общественной жизни. С. 25.
10. *Травин Д., Маргания О.* Указ. соч. С. 445.
11. Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 32.
12. *Куренков В.Ю.* Проблема статуса национальных меньшинств на примере судетских немцев // Пятые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 15 декабря 2009 г.): сб. ст.: в 7 кн. Кн. 2: Проблемы международного, конституционного и муниципального права / отв. ред. *В.А. Виноградов*. М.: РПА Минюста России, 2010. С. 50–54.
13. Чехословацкая республика. Обзор духовной, политической, экономической и общественной жизни. С. 13.
14. Там же. С. 25–26.
15. *Кретинин С.* Судетские немцы: народ без родины (1918–1945 гг.). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2000. С. 345.
16. *Травин Д., Маргания О.* Указ. соч. С. 452.

Поступила в редакцию 16.01.2012 г.
Принята к печати 26.06.2012 г.